

На правах рукописи

Жукова Евгения Михайловна

**ВЕРОТЕРПИМОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
ФЕНОМЕН: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ**

Специальность – 5.7.7. Социальная и политическая философия
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Волгоград – 2025

Диссертация выполнена в секторе философских проблем политики Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии Российской академии наук».

Научный руководитель: Ильинская Светлана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент

Официальные оппоненты: Евлампиев Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт философии, профессор кафедры русской философии и культуры

Холоднова Ксения Николаевна, кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», младший научный сотрудник философского факультета

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
(г. Донецк)

Защита состоится на заседании диссертационного совета 24.2.283.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» 27 ноября 2025 года в 15:30 по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 4-01 А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета и на официальном сайте университета: <http://www.volsu.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2025 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Виктория Анатольевна Храпова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сегодня мы являемся свидетелями существенных, порою кардинальных, перемен в социальной, политической, экономической, научной и культурной сферах, связанных с триединым процессом глобализации, локализации и макрорегионализации. Нерешенные социальные вопросы, связанные с неконтролируемой миграцией, совместным проживанием представителей различных народов и конфессий на одной территории и т.п., становятся весьма чувствительными для всего мирового сообщества. Эти процессы приводят к разного рода конфликтам, социальным беспорядкам, вплоть до вооруженных столкновений. Нарастающие сегодня явления этнического национализма, религиозного фанатизма, проявляющиеся в разных формах неонацистские идеи, которые служат благоприятной средой для экстремизма и терроризма, ставят под угрозу складывающийся новый миропорядок, подрывают основы государственности, основы гражданского общества и гармоничного развития стран. Подходы к решению этих проблем зачастую неэффективны либо не проходят испытание временем. А между тем современные реалии многополярного мира требуют надежных и основательных решений, поиски которых неизбежно приводят в том числе и к теме веротерпимости.

Религиозная нетерпимость, подчас ведущая к вспышкам насилия, приобретает настолько серьезные масштабы, что она стала предметом постоянных обсуждений в общественно-политических и научных кругах. В этом свете обращение к веротерпимости как к социально-философскому феномену, рассмотрение ее как одного из структурообразующих оснований для прочных социокультурных связей в гражданском обществе и в сфере общественно-государственного взаимодействия, фактора государственной устойчивости, определение ее сущности представляется весьма актуальной

задачей, решение которой позволило бы преодолеть разногласия в трактовках данного понятия, присутствующую в академических работах, а также отделить понятие «веротерпимость», сложившееся в российской этикокультурной традиции, от таких понятий, как, например, «религиозная толерантность», «релятивизм», «свободомыслие» и т.п., что в свою очередь существенно прояснило бы применение термина как в социально-политической сфере, так в академической науке.

Осмысление феномена веротерпимости важно еще и потому, что сегодня заметную роль в жизни общества играет такой процесс социокультурных изменений, как десекуляризация – рост интереса к духовности, усиление роли религии и религиозных организаций, духовных учений в жизни многих стран. И именно веротерпимое отношение к различным течениям способно оказать благотворное влияние на сохранение стабильности и единения общества в условиях многовекторности его религиозных устремлений.

В рамках рассматриваемой темы важным представляется изучение опыта российского государства, где принцип веротерпимости исторически проводился (и продолжает проводиться) в жизнь различных социальных, гражданских и этнических сообществ. Становятся актуальными методологические разработки (модели) веротерпимости как социально-философского феномена, в которых соединяются социально-философский анализ и этико-культурный подход, и которые, в перспективе, могут послужить основой для принятия соответствующих законов.

Степень научной разработанности проблемы. На протяжении всей истории российского общества и государства динамически менялась социальная реальность, ее варианты и инварианты находили отражение в трудах мыслителей, выражавших дух времени. Одним из итогов этого продолжительного процесса стало появление и постепенная трансформация представлений о веротерпимости.

В произведениях древнерусской литературы (митрополит Иларион, Владимир Мономах, Даниил Заточник, Феодосий Печерский и др.) обсуждение отношений с представителями иной веры зачастую присутствует имплицитно, предметно данную проблему ни один из авторов указанной группы не анализирует. Тем не менее, общий вектор их проповеди позволяет уверенно реконструировать характерные особенности их восприятия феномена веротерпимости.

В отечественной социально-философской и политической мысли XVIII – сер. XX вв. к теме веротерпимости обращалось множество авторов. Веротерпимость как важный государствообразующий компонент, несущий в себе общегосударственную и общественную пользу, рассматривалась в трудах В.Н. Татищева, Ю.Ф. Самарина, И.А. Ильина и др. Представление о веротерпимости как о ценности индивидуальной духовной жизни человека и гражданина присутствуют в работах А.Н. Радищева, Н.А. Бердяева и др. Тезис о веротерпимости как объединяющей человечество интенции и естественном проявлении глубинного единства людей выдвигали Н.Ф. Федоров, Н.К. Рерих, Н.И. Пирогов и др. Этой концепции близка позиция Ф.М. Достоевского, рассматривавшего веротерпимость в рамках историософских размышлений и наделявших этим качеством русский народ. Русские мыслители В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой и др. видели в веротерпимости одно из ключевых этических понятий, в основе которого лежит «нравственная любовь» и принцип недопустимости тех действий в отношении других людей, которые человек считает недопустимыми по отношению к себе.

Проблемы межконфессиональных и/или государственно-конфессиональных отношений в целом рассматриваются в работах современных авторов: А.Э. Алакшина, В.А. Алексеева, А.А. Алова, Д.Ю. Арапова, М.А. Бабкина, Н.Г. Владимирова, С.М. Исхакова, А.Н. Кашеварова, М.Ю. Крапивина, Н.А. Кривовой, О.В. Мартышина, М.М. Мчедловой, Ф.Г.

Овсиенко, М.И. Одинцова, Д.В. Поспеловского, А.А. Сафонова, О.Н. Сениюткиной, С.А. Семедова, Ф.Л. Сеницына, И.В. Степаковой, М.С. Стецкевича, В.М. Сторчака, З.А. Тажуризиной, Н.А. Трофимчука, Д.А. Узланера, В.А. Цыпина, М.В. Шкаровского. Часть исследователей (например, такие, как А.Э. Алакшин, С.А. Семедов, С.М. Исхакова) изучают проблемы, связанные с конкретными вероисповеданиями: протестантизм, ислам, другая часть (например, А.А. Алов, А.А. Сафонов, И.В. Степакова) исследуют проблемы, связанные сразу с большим количеством конфессий, следующие (например, В.М. Сторчак, Д.А. Узланер, М.М. Мчедлова) касаются конкретных аспектов, процессов, связанных с религиозным вопросом.

Из современных отечественных философов, социологов, историков и правоведов к теме веротерпимости в своих трудах обращаются: В.И. Гараджа, С.А. Лукьянов, А.В. Пчелинцев, М.С. Стецкевич, М.О. Шахов, В.А. Цыпин, И.Н. Яблоков, и др. Если одна группа ученых (В.И. Гараджа, А.В. Пчелинцев, М.О. Шахов, В.А. Цыпин, И.Н. Яблоков) занята преимущественно теоретическими аспектами (выяснением объема понятия, его истоками и т.п.), то другая группа (А.Ю. Бендин, С.А. Лукьянов, М.С. Стецкевич) сосредоточена главным образом на анализе конкретно-исторического материала.

В одном контексте с понятием «веротерпимость» зачастую встречаются другие понятия, ставшие предметом специальных работ. Так, понятия свободы совести и/или свободы вероисповедания разрабатывают: А.Г. Залужный, Р.Н. Лункин, Т.П. Минченко, В.Н. Савельев, И.В. Понкин, А.В. Пчелинцев, А.А. Сафонов, М.С. Стецкевич, М.О. Шахов.

Феномен толерантности и/или религиозной толерантности изучают: Д.В. Алексеев, И.Г. Арцыбашев, Р.Р. Валитова, А.Е. Зимбули, В.А. Лекторский, М.П. Мчедлов, И.В. Понкин, а также зарубежные исследователи В. Браун, Дж. Хортон, К. Нидерман, М. Уолцер, П. Кинг.

Тему мультикультурализма разрабатывают такие зарубежные и отечественные исследователи как Б. Барри, А.В. Веретевская, Е.В. Винчковский, К. Йопке, Дж. Каренс, У. Кимлика, В.С. Малахов, В.Ю. Сморгунова, Ю. Хабермас.

Необходимо отметить, что среди современных работ, так или иначе развивающих тему веротерпимости, преобладают исследования исторического и правоведческого характера, причем в них, как правило, рассматривается только одна сторона вопроса (к примеру, только государственно-конфессиональные отношения или только межконфессиональные отношения) и по большей части анализируется опыт Российской империи. Специальных работ по социально-политической философии, которые бы целиком были посвящены такому социально-философскому феномену, как веротерпимость, и теоретически осмыслили бы ее как политико-философский принцип, проявлявшийся на разных уровнях государственной и общественной жизни на протяжении всего периода существования Российского государства, не существует. В этом смысле определенный научный интерес представляет выявление общих тенденций в восприятии веротерпимости отечественными мыслителями XI – сер. XX вв. Кроме того, на наш взгляд, в литературе по-прежнему не до конца проясненным остается вопрос о сходствах и различиях веротерпимости и религиозной толерантности.

Объект исследования – веротерпимость как социально-философский феномен и его актуализация в опыте российского государства и социума.

Предмет исследования – сущностные особенности веротерпимости как социально-философского феномена и его проявление в российском государстве и обществе XI–XXI вв.

Цель исследования – на основе комплексного анализа представлений о веротерпимости в отечественной социально-философской мысли, а также реализации этого принципа в истории российского государства XI–XXI вв.

разработать модель веротерпимости, отражающую историко-культурные особенности России.

Цель исследования определила ряд взаимосвязанных **задач**:

1. Раскрыть специфику восприятия веротерпимости в работах современных исследователей (нач. 1990-х – нач. 2020-х гг.).

2. Установить особенности представлений о веротерпимости в философской мысли Древней и Средневековой Руси с учетом соответствующего историко-культурного контекста. Проанализировать представления о феномене веротерпимости и очертить различные подходы к ней в отечественной социально-философской мысли XVIII – сер. XX вв.

3. Выявить сущностные черты веротерпимости и построить ее теоретическую модель.

4. Осуществить сопоставительный анализ веротерпимости и религиозной толерантности, религиозного плюрализма, мультикультурализма, свободы вероисповедания.

5. Проанализировать особенности проявления принципа веротерпимости в государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношениях в российском государстве на различных этапах его истории с XI по конец XX в.

6. Установить роль, которую играет принцип веротерпимости в современной России (1991 – н.в.).

Хронологические рамки исследования. Социально-философский анализ феномена веротерпимости охватывает всю летописную историю российского государства-цивилизации, т.е. период с XI по XXI вв.

Научная новизна исследования.

1. Выявлены особенности восприятия веротерпимости современными исследователями. В частности, выделены доминирующие в нынешних трактовках веротерпимости подходы – когнитивно-коммуникативный и когнитивно-нормативный.

2. Выявлена и описана российская традиция восприятия феномена веротерпимости, нашедшая отражение в трудах отечественных философов и мыслителей XI – сер. XX вв.; в рамках данной традиции выделен ряд различных подходов, которых придерживались мыслители при обращении к теме веротерпимости.

3. Всесторонний анализ существующего по данной проблематике теоретического дискурса позволяет утверждать, что веротерпимость, как социально-философский феномен и базисная ценность локального государства-цивилизации реализуется в виде политико-философского принципа. Это дало возможность раскрыть ее сущность, структуру и взаимосвязанные элементы, построить теоретическую модель веротерпимости.

4. Продемонстрированы различия (в происхождении, социальном функционале и т.п.) между веротерпимостью и религиозной толерантностью, мультикультурализмом, религиозным плюрализмом, свободой вероисповедания.

5. Выявлены особенности проявления веротерпимости в истории российского государства в XI–XXI вв.; показана роль принципа веротерпимости как одного из структурообразующих оснований прочных социальных связей и государственной устойчивости; продемонстрирована его эволюция и преемственность на различных этапах российской истории.

6. Проведен анализ принципа веротерпимости в контексте современных внутрироссийских, а также глобальных социальных процессов, которые стремительно меняют геополитический ландшафт и углубляют ценностные противоречия в мире; выявлены сферы, в которых внутренняя и внешняя политика Российской Федерации имплицитно опирается на этот принцип (административная, законодательная, научно-образовательная, международное сотрудничество).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что автором разработана модель веротерпимости в исторической ретроспективе и в контексте глобальных цивилизационных процессов. Анализ исторической ретроспективы, работ современных исследователей и выявление российской традиции веротерпимости позволяет внести определенный вклад в развитие социальной и политической философии.

Практическая значимость исследования состоит в возможности широкого использования его материалов и результатов в сфере образования и социально-гуманитарных наук, при разработке базовых и специальных курсов по философии, социологии, политологии.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования обусловлена его междисциплинарным характером. Будучи в первую очередь социально-философским, оно также включает в себя элементы политологического, социологического и культурологического исследования. Так, одной из ключевых для диссертации стала концепция хронополитической непрерывности российской локально-цивилизационной истории, предложенная В.Л. Цымбурским, который рассматривал исторический путь России как своего рода эволюционный континуум с характерной для него поэтапностью и преемственностью. Такой взгляд на смену эпох в российской истории позволил нам говорить о последовательном развитии принципа веротерпимости в российском государстве.

Другой важной методологической составляющей стали: учение евразийцев о месторазвитии, делающее акцент на взаимодействии между социумом и территорией, а также геосоциальный подход, предполагающий рассмотрение пространственно-временных факторов в процессах социокультурного изменения. Последний является относительно недавней разработкой и возник на стыке общественных (социология, история, культурология) и естественно-научных (география, геология) дисциплин. Он, с одной стороны, подводит основание для феномена веротерпимости в

исторической ретроспективе, а с другой стороны – позволяет выявить традиционную российскую перспективу веротерпимости в текущих глобализационных процессах.

Кроме того, в данном исследовании оказался продуктивным этико-культурный подход, в рамках которого веротерпимость может теоретически осмысляться как принцип, как одна из составляющих духовно-нравственной жизни человека и как своеобразный итог коллективных поисков социального идеала.

Наконец, в работе использовались социокультурный подход, позволяющий рассматривать социум как взаимосвязь социальности и культуры, и концепция В.С. Степина о культурных универсалиях, способствовавшая более полному и глубокому раскрытию теоретической модели веротерпимости.

Теоретическую базу исследования составили, во-первых, философские труды отечественных мыслителей – представителей российской традиции Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.И. Пирогова, Н.К. Рериха, Л.Н. Толстого, Ю.Ф. Самарина, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова и др. Во-вторых, существенными для исследования оказались труды современных философов (например, О.Н. Астафьевой, Я.В. Бондаревой, И.А. Герасимовой, М.Н. Громова, А.В. Иванова, В.В. Милькова, А.С. Хоцея), политологов (например, С.Г. Ильинской, М.М. Мчедловой), историков (например, А.Э. Алакшина, А.А. Алова, Н.Г. Владимирова, Ф.Г. Овсиенко, А.С. Щавелева). Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты, регулирующие религиозную сферу, международные документы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном теоретическом дискурсе анализ веротерпимости представлен с позиций когнитивно-коммуникативного (веротерпимость выполняет «модерирующую» функцию в полирелигиозном социуме) и когнитивно-нормативного подходов (веротерпимость возникает как элемент

правовой системы). Ограниченность последних не позволила исследователям сформулировать единое, целостное представление о веротерпимости. Это, в частности, проявилось в том, что одни авторы стали сближать веротерпимость со свободомыслием, религиозной толерантностью, релятивизмом, экуменизмом и т.д., а другие – наоборот, противопоставлять им веротерпимость.

2. Исторические, пространственно-временные и социокультурные условия, в которых развивалось российское государство и общество, обусловили ту восприимчивость к «иному», которую мы наблюдаем в литературе Древней и Средневековой Руси и которая послужила одним из факторов формирования традиции, включающей представление о веротерпимости; данная традиция получила продолжение в социально-философских работах XVIII – сер. XX вв., которые, несмотря на различность подходов, демонстрируют известную близость в трактовках веротерпимости, причем в качестве ее сущности может быть выделена гуманистичность.

3. Веротерпимость – особое отношение к человеку или сообществу людей, проявляющееся в уважении к тому, как они воспринимают образ «священного», «высшего» (Бог, Абсолют, фигуры основателей и выдающихся подвижников и т.д.), какие испытывают чувства и какие предпринимают действия по отношению к этому образу. Это также принцип социально-политической действительности, имеющий этическое основание, поскольку его сущностным ядром является гуманистичность (чувство любви к человеку). В орбиту принципа веротерпимости входят такие элементы как: «золотое правило нравственности», восприимчивость, вмещение, прощение, уважение ко всему существующему, милосердие, доброта, великодушие, доверие, внимание, бесконечность познания, стремление к объединению, созидание, человечность, взаимность, ответственность, сотрудничество, бескорыстие, открытость. Взятые в совокупности, они дают объемное

представление о веротерпимости как о принципе, сущностным ядром которого является гуманистичность.

4. Религиозная толерантность (наравне со свободой совести, свободой вероисповедания, религиозным плюрализмом, мультикультурализмом) и веротерпимость имеют разную природу. Различны их концептуальные основы, генезис, «сферы приложения». Если религиозная толерантность (и толерантность вообще) зиждется на различиях, множественности, индивидуализме и порою граничащей со вседозволенностью личной свободе, сдерживаемой прежде всего правовыми запретами, то в основе принципа веротерпимости лежит гуманистичность, любовь к человеку.

5. На протяжении всей истории России субъекты власти осуществляли деятельность, целью которой была консолидация проживающего в стране населения, а также укрепление международных связей. Важным принципом, лежавшим в основе многих мероприятий в рамках указанной деятельности, был политико-философский принцип веротерпимости. Данный принцип утверждался не только сверху, его соблюдение инициировалось и самим социумом.

6. Политические мероприятия российских властей, в которых реализовывался принцип веротерпимости, представляют собою систему – комплекс взаимосвязанных, имеющих внутреннюю логику шагов. Для этой системы характерны эволюция (постепенный количественный и качественный прогресс в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений), масштабность (широкий географический и хронологический охват мероприятий в указанной сфере), преемственность (одними правителями перенимался опыт предыдущих). Отдельные периоды обострений государственно-конфессиональных отношений сменялись периодами улучшения положения тех или иных конфессий, однако в рамках крупных хронологических отрезков (столетий) «равнодействующая»

инициатив российской власти в конфессиональной сфере была сонаправлена с «вектором» веротерпимости.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Всего по теме диссертации опубликовано 14 статей, 7 из них – в рецензируемых изданиях из перечня Высшей аттестационной комиссии по соответствующей специальности. Основные положения, выводы, рекомендации обсуждались на заседаниях сектора философских проблем политики Института философии РАН, а также были представлены на следующих конференциях: Международной научно-практической конференции «Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы» (Москва, МГЛУ, 2020 г.), Международной научно-практической конференции «Пути трансформации государственного и корпоративного управления на современном этапе» (Москва, МГИМО, 2020 г.), всероссийской конференции «Толерантная Европа: вчера, сегодня, завтра» (Москва, РГГУ, 2021 г.), Международной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: проектирование будущего» (Москва, РАНХиГС, 2021 г.), III Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР (Москва, РГУНГ, 2022 г.), Международной научной конференции «Философия человека в современном мире (к 150-летию со дня рождения Н.А. Бердяева)» (Саратов, СГУ, 2024 г.). Кроме того, результаты исследования применяются автором в процессе преподавания ряда гуманитарных дисциплин «Философия», «Социальное и межличностное взаимодействие», «Человек в глобальном мире», «Политология».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая по пять параграфов, заключения и списка использованной литературы, включающего 577 наименований. Общий объем диссертации представлен на 265 страницах, основной текст – на 207 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, приводится анализ научной разработанности проблемы, определяется объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, обозначены: научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, теоретико-методологические основы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Эволюция осмысления феномена веротерпимости в отечественной социально-философской мысли» носит теоретический характер и состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе первой главы «Восприятие веротерпимости современными исследователями» рассматриваются всевозможные трактовки понятия «веротерпимость», появившиеся в отечественной науке в конце XX – начале XXI вв. Подробно рассматриваются подходы М.О. Шахова, В.Н. Савельева, М.С. Стецкевича, И.Н. Яблокова, В.И. Гараджи, В.А. Цыпина, А.Ю. Бендина, А.Ю. Евдокимова. Большинство перечисленных авторов дают одновременно несколько разноплановых определений веротерпимости, видя в ней правовое понятие (когнитивно-нормативный подход) и/или социально-психологическое явление (когнитивно-коммуникативный подход). По нашему мнению, именно приверженность указанным подходам, в силу присущей им ограниченности, не позволили исследователям сформулировать единое, целостное определение веротерпимости.

Во втором параграфе первой главы «Веротерпимость в идеях мыслителей Древней и Средневековой Руси» рассматривается представление о веротерпимом отношении к разным конфессиям (а в более позднюю эпоху – и сам феномен веротерпимости) в работах русских мыслителей XI–XVII вв. Под этим углом зрения анализируется содержание произведений: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.), «Поучение Владимира Мономаха» (XII в.), работы преп. Феодосия

Печерского (XI в.) и Кирика Новгородца (XII вв.), «Моление» Даниила Заточника (XII вв.), анонимное «Сказание о граде Китеже», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (XV в.) и др. Особое внимание уделяется таким переводным трудам, как: «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (не позднее XI в.), «Хождение Зосимы к рахманам» (не позднее XIV в.), роман «Александрия» (ок. XV вв.), «Стефанит и Ихниллат» (XV в.) и др.

Делается вывод о том, что географические и культурно-исторические условия, в которых развивалось российское государство, обусловили ту восприимчивость к «иному», которую мы наблюдаем в литературе Древней и Средневековой Руси.

Заметим, что подобный широкий интерес к достижениям других народов не мог развиваться без со-переживания и со-искания с ними, без ощущения единства (на уровне внутренних духовных запросов) с представителями различных культур. Этот гуманистический импульс, благодаря которому русский народ соприкасался и впитывал естественнонаучные, художественные и религиозно-философские образцы, рожденные в разных странах и подчас в отдаленную эпоху, был органичным проявлением сознания народа. У многих поколений формировалось соответствующее отношение к человеку и обществу, жизни и смерти и т.д.

В третьем параграфе первой главы «Концептуальное и методологическое осмысление веротерпимости в истории отечественной мысли XVIII – сер. XX вв.» выделяется несколько подходов к раскрытию темы веротерпимости, которые использовали отечественные философы указанного периода, как то: подход, опирающийся на целесообразность, в нем ключевыми являются общегосударственная и социальная полезность (В.Н. Татищев); подход, в основание которого положены общие интересы граждан (А.Н. Радищев); подход, в котором на первый план выходит разделение функций государства и религиозных объединений (И.С. Аксаков); подход, в котором веротерпимость рассматривается как государствообразующий и сохраняющий

элемент (Ю.Ф. Самарин, И.А. Ильин); подход, где в основании отношений между людьми лежит «нравственная любовь» (К.Н. Леонтьев); подход, во главу угла ставящий взаимосвязь человека и человечества (Л.Н. Толстой); геополитический подход, в котором веротерпимость – это сверхличное качество (Ф.М. Достоевский); подход, акцентирующий внимание на душевной «конституции» каждого человека (Н.И. Пирогов); подход, в основе которого лежит взаимность, т.е. тезис о недопустимости действий в отношении других людей, которые человек считает недопустимыми по отношению к себе (В.С. Соловьев); подход, основанный на объединении людей и стремлений (Н.Ф. Федоров); подход, в основе которого лежит концепция культурных универсалий (Н.К. Рерих); подход, основанный на признании ценности индивидуального духовного пути человека (Н.А. Бердяев); марксистский подход (В.И. Ленин, В.Д. Бонч-Бруевич, А.В. Луначарский).

Регулярность обращения к теме веротерпимости позволяет говорить об определенной российской традиции. В рассуждениях философов о значении веротерпимости для социума и государства слышны мотивы, позволяющие говорить о восприятии веротерпимости как одного из структурообразующих оснований системы социальных связей, не только как о социально-философском феномене, но и как о фундаментальном принципе, важном для отдельного человека, его духовного роста, и для мирового сообщества в целом. Раскрывая различные грани веротерпимости (сострадание, восприимчивость, прощение и т.д.), они фактически говорили о веротерпимости как о социально-философской, а не чисто этической категории и даже как о культурной универсалии.

В четвертом параграфе первой главы «Сущностные черты веротерпимости» веротерпимость рассматривается как политико-философский принцип, сущностным ядром которого является гуманистичность.

Обращение к философскому наследию перечисленных отечественных мыслителей свидетельствует о наличии определенной традиции в трактовке

понятия веротерпимость. Особенностью их подхода является рассмотрение межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений в контексте социально-философской и политико-философской проблематики. Кроме того, в отечественной философии данные вопросы рассматриваются зачастую в тесной связи с размышлениями о судьбе России как государственной цивилизации, ее роли на мировой арене и исторической миссии.

Осуществленный в работе анализ позволяет предложить следующую *теоретическую (идеальную) модель веротерпимости*:

1. Веротерпимость – гуманистическое отношение к человеку, которое проявляется в уважении к тому, как человек (или сообщество людей) воспринимает образ «священного», «высшего» (Бог, Абсолют, фигуры основателей и выдающихся подвижников и т.д.), какие испытывает чувства и какие предпринимает действия по отношению к этому образу.

2. Веротерпимость есть принцип, проявляющийся в социально-политической действительности и имеющий этическое основание, поскольку его сущностным ядром является гуманистичность (чувство любви к человеку).

3. В орбиту веротерпимости входят такие элементы, как: «золотое правило нравственности», восприимчивость, вмещение, прощение, уважение ко всему существующему, милосердие, доброта, великодушие, доверие, внимание, бесконечность познания, стремление к объединению, созидание, человечность, взаимность, ответственность, сотрудничество, бескорыстие, открытость и др.

Основным вопросом **пятого параграфа первой главы «Сопоставительный анализ веротерпимости и смежных понятий»** является проблема соотношения веротерпимости и религиозной толерантности, а также ряда других понятий. Здесь выделяются две позиции, которые, опуская некоторые нюансы, можно резюмировать следующим образом:

1. Веротерпимость – это то же самое, что и религиозная толерантность (полная либо практически полная тождественность понятий). Такой позиции придерживаются В.Н. Савельев, М.О. Шахов, И.Н. Яблоков, А.В. Пчелинцев и др.

2. Веротерпимость – это нечто отличное от религиозной толерантности. Это мнение разделяют К.Э. Нагаева, М.С. Стецкевич, А.Ю. Бендин, А.Ю. Евдокимов и др. При этом отдельные авторы второй группы склонны рассматривать веротерпимость как нечто менее «совершенное», нежели религиозная толерантность и толерантность в целом.

Проблема соотношения этих двух понятий подводит, в частности, к вопросу об их исторических корнях. Хотя у истоков идеи религиозной толерантности стояли Ф. Вольтер, П.А. Гольбах, Ж. Д’Аламбер, Д. Дидро, П. Бейль, Дж. Локк, Дж. Мильтон, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и др., придерживавшиеся различных воззрений (протестантизма, скептицизма, атеизма, деизма), все они так или иначе строили свою концепцию вокруг понятий свободы, индивидуализма и множественности. При этом системообразующим принципом для них было формальное правило – юридическая норма. В каком-то смысле закон и законность становятся единственным критерием допустимости и недопустимости. Плюрализм становится благоприятной средой для всевозможных расколов и течений внутри одного вероисповедания (в данном случае – католичества), что неминуемо ведет к утрате позиций исходного вероучения (католической церкви), ослаблению его влияния на массы.

Во второй главе «Актуализация веротерпимости в Российском государстве и социуме XI–XXI вв.» диссертант исследует веротерпимость как принцип конкретной политики в социально-политической реальности. Таким образом, устанавливается связь между уровнем идей социальной философии и уровнем действий в политике. Важно отметить, что было бы нелепым отрицать факты нетерпимости, которые имели место на всех этапах

истории России и в современности. Однако, на наш взгляд, темы, связанные с изучением нетерпимости, требуют самостоятельного исследования.

Данная глава имеет хронологическое деление. Выбор именно такой структуры материала мы обосновываем ссылкой концепцию хронополитической непрерывности российской локально-цивилизационной истории, разработанной В.Л. Цымбурским. Согласно этой концепции, история России представляет собою процесс непрерывной эволюции локальной цивилизации, включающий в качестве ключевых звеньев Древнюю Русь – Московское царство – Российскую империю – Советский Союз – современную Россию. Это развитие, по В.Л. Цымбурскому, происходило поэтапно, для него были характерны масштабность, эволюционность и преемственность.

В начале **первого параграфа** второй главы «**Веротерпимость на Руси (XI–XVII в.)**» перечисляются существующие в исторической науке точки зрения относительно того, что именно обусловило различные проявления веротерпимости в российском государстве в целом: 1) существование многобожия до принятия христианства, 2) веротерпимая политика монголо-татар, 3) принятие христианства, давшего представление о человеке как брате, понимание значимости любви, веротерпимого отношения, миротворческих действий, 4) наличие обширных международных связей Руси, 5) интенсивное расширение территории страны (особенно начиная с XVI в.), 6) необходимость развития внутренней и внешней торговли. По мнению диссертанта, каждый из перечисленных факторов в известной степени повлиял на актуализацию принципа веротерпимости в России.

Основная часть параграфа посвящена истории переселения и/или совместного проживания на территории российского государства представителей западноевропейских народов, мусульман, иудеев, протестантов, армян. Показано, что Древняя и Средневековая Русь XI–XVII вв. представляла собою государство, где в целом ряде отраслей политической и культурной

жизни реализовывался принцип веротерпимости. На уровне верховной власти мы видим регулярные междинастические браки. На уровне русской княжеско-боярской аристократии прослеживается тенденция привлечения иноверцев к решению государственных вопросов. Представители неправославных конфессий встречались среди художников, врачей, ремесленников, воинов и др. Одни получали приглашение работать в России, другие – бежали в Россию от преследований; были и те, кто оседал в стране после пребывания в российском плену. Отдельного упоминания заслуживают те народы, которые были присоединены к российскому государству (главным образом в XVI в.). Не будь в московской политике достаточно сильного «компонента» веротерпимости, такое масштабное расширение границ государства сделалось бы проблематичным.

Второй параграф второй главы «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в Российской империи (XVIII в.)» обращается к периоду активного становления государства имперского типа, которое выдвигало на первый план задачу приведения государственного механизма к слаженному функционированию и повышению роли страны на международной арене. Естественным образом здесь вставал вопрос о внедрении передовых технологий, наращивании собственного опыта и перенятии опыта иностранных специалистов, активное привлечение которых для работы в России началось при Петре I. В этих условиях у прибывающих в Россию иностранцев, главным образом, европейцев, которые в массе своей были протестантами и католиками, естественным образом возникала необходимость в обеспечении возможности удовлетворять не только свои материальные (они получали жалование), но и религиозные нужды.

В целом для петровской эпохи характерно постепенное расширение прав иноверцев, преобразование органов управления для более эффективного регулирования религиозных вопросов и облегчения интеграции иностранцев в российское общество. Эти инициативы способствовали дальнейшему «вы-

равниванию» правового статуса представителей неправославных христианских конфессий с православным населением.

Для периода дворцовых переворотов и правления Екатерины II характерно дальнейшее укоренение религий в российском конфессиональном пространстве, их институализация и формирование иерархической структуры духовенства. Приток иностранцев в страну, присоединение новых территорий, официальное разрешение старообрядцам вернуться в Россию – все это делало вероисповедный спектр Российской империи шире и богаче. Екатерининская эпоха отмечена прекращением массовой принудительной христианизации, отменой многих ограничений.

Конец XVII в. и XVIII вв. – время интенсивного становления принципиально новой кадровой системы. Среди госслужащих и приближенных к императорам/императрицам теперь значительно чаще, чем прежде, можно было видеть представителей самых различных конфессий – мусульман, протестантов, католиков, иудеев и др., причем зачастую это были выходцы из различных родов, столетиями исповедовавших те или иные религии. В этот период в стране создавались религиозные учебные заведения, способствующие сохранению языка, религиозных традиций и культуры в целом, что в свою очередь облегчало процесс административно-политической и экономической интеграции присоединяемых к России территорий. Более тесными становились и повседневные, бытовые контакты представителей различных конфессий.

В третьем параграфе второй главы **«Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения (конец XVIII – начало XX вв.)»** рассматриваются изменения в различных сферах жизни иудеев, старообрядцев, буддистов, католиков в Российской империи. Речь идет об отправлении религиозных обрядов, народном образовании, службе в армии, издании книг, филантропической деятельности, регулировании вопроса о месте проживания и т.д.

В этот период правители России сталкивались с необходимостью постоянно решать (как на законодательном, так и на административном уровнях) проблемы, связанные с сосуществованием в рамках одной страны различных конфессий. С одной стороны, требовалось сохранить их самобытность, а с другой – создать благоприятные условия для безболезненной интеграции в российское пространство (если речь шла о вхождении территорий в состав государства). Политическая линия российских царей, основанная на принципе веротерпимости, являлась важнейшим инструментом «отлаживания» огромного, непросто функционирующего государственного организма, а сам принцип служил его иммунитетом против необратимых и разрушительных тенденций. (На наш взгляд, веротерпимость в своем развитии ведет к формированию нового единства, новой общности. Она дает возможность народу развить в себе потенциал для нового жизненного цикла и «вырасти» до суперэтноса или локальной цивилизации.)

Для указанной политической деятельности была характерна системность, эволюция, масштабность. С одной стороны, прослеживается преемственность политических курсов, а с другой – видны вполне определенные реперные точки, которые в те или иные периоды выводили политические решения на качественно иной, более высокий, уровень.

Несмотря на отдельные принимаемые правителями имперского периода (XVIII – начало XX вв.) решения, которые можно было бы квалифицировать как отклонения от политики веротерпимости, положительная динамика и качественный «прирост» последней на протяжении изученного периода несомненны. К примеру, если в период правления Анны Иоанновны было принято решение о запрете на строительство мечетей в ряде слобод, где проживало мусульманское население, то при Елизавете Петровне этот запрет был ослаблен, а при Екатерине II и вовсе перестал действовать. Кроме того, постепенное расширение права переходить из одной веры в другую свидетельствует о

том, что правители осознавали важность возможности самоопределения подданных империи в вопросе веры. На наш взгляд, решения, противоречившие принципу веротерпимости, были лишены той гибкости и устойчивости, которая была присуща рассматриваемой нами тенденции. Они могли стихийно приниматься одним правителем, а позже существенно ослабляться или вообще отменяться последующими (так, созданный при Николае I институт кантонистов был ликвидирован уже во время правления Александра II).

Важнейшим результатом политики, основанной на принципе веротерпимости, была постепенная консолидация многонационального российского общества. На протяжении веков российскому государству была свойственна небывалая для Европы веротерпимость. Иностранцев поражало мирное сосуществование в рамках единой государственной системы представителей разных верований, что в дальнейшем, уже после 1917 г., послужило объединению народов в государство принципиально нового типа.

Четвертый параграф второй главы «**Реализация принципа веротерпимости в советскую эпоху**» посвящен, пожалуй, наиболее сложному периоду в истории России. Государственно-конфессиональные отношения в годы советской власти, которая около 70 лет задавала вектор культурной и общественно-политической жизни страны, пережили целый ряд периодов, о каждом из которых необходимо вести отдельный разговор. Несмотря на всю сложность (или даже драматичность) ряда процессов в государственно-конфессиональной сфере, можно констатировать, что все основные дореволюционные российские конфессии в СССР к концу его существования сохранились. Более того, с началом Перестройки 1980-х гг. они довольно быстро набрали силу и стали заметными акторами общественной жизни в постсоветской России.

Следует иметь ввиду преимущество СССР по отношению к Российской империи. Уже в начале 1920-х гг. философы, публицисты,

деятели революционного движения отмечали, что, несмотря на активное отмежевание на словах от «ненавистного царского режима», советское правительство и коммунистическая партия de facto воссоздавали на новом уровне империю, соответственно, некоторые важные черты в политике и жизнеустройстве нового государственного образования повторяли прежние. На наш взгляд, одной из таких важных особенностей было следование (увы, в весьма специфическом по своему характеру и в ограниченном по своим масштабам виде) принципу веротерпимости, который в различных формах так или иначе проявлялся на протяжении всей советской эпохи.

С этих позиций в параграфе рассматривается восстановление института патриаршества для Русской Православной Церкви; введенный большевиками «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.); отношение В.И. Ленина к храмам; внутренние перемены в жизни Церкви; обновленческое движение в православии, буддизме, иудаизме; миротворческие усилия деятелей различных религиозных течений в 1950-х – 1970-х гг. и другие сюжеты. Особое внимание уделено теме межконфессиональной солидарности и сотрудничества в период Великой Отечественной войны.

Проводимая на общесоюзном уровне идея солидаризации людей поверх условных различий (идеи интернационализма, дружбы народов, солидарности трудящихся и т.п.), без сомнения, оказала серьезное влияние на отношения между представителями различных народов СССР, которые традиционно были (и зачастую оставались в советские годы) носителями различных религиозных мировоззрений.

Пятый параграф второй главы «**Веротерпимость в современной России**» посвящен России сегодняшней. Она представляет собою уникальное многоконфессиональное и полиэтничное государство. На ее территории проживает более 160 национальностей, ее население исповедует различные религии – православие, иудаизм, ислам, буддизм, католичество, протестан-

тизм и др. В этом культурном пространстве важную консолидирующую функцию выполняет единый признанный государственным русский язык (причем наряду с ним республики могут устанавливать и, собственно, устанавливают свои государственные языки).

Принцип веротерпимости реализован в Конституции Российской Федерации (1993 г.), а также целом ряде федеральных законов – «Об общественных объединениях» (1995 г.), «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (1995 г.), «О некоммерческих организациях» (1996 г.), «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.), «О государственной регистрации юридических лиц» (2001 г.), «Об альтернативной гражданской службе» (2002 г.), «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (2004 г.) и др. Особое внимание обращает на себя дополнение к закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 2015 г. (статья 3.1), согласно которому священные тексты Библия, Коран, Танах и Ганджур не могут признаваться экстремистскими материалами. Данная поправка фактически выполняет роль превентивной меры, предупреждающей нежелательные общественные инициативы.

Тема гармоничного сосуществования представителей различных религий и национальностей на одной территории по-прежнему волнует академические круги, политиков, политологов и общественных деятелей. Появление предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в российских школах (2012 г.) также является одним из консолидирующих общество факторов, позволяющих одним российским народам узнать ближе культуру и духовные ориентиры других народов.

Заключительная часть параграфа анализирует российскую внешнюю политику по отношению к странам, в которых большинство населения исповедует различные религии. Взаимодействие с этими странами касается широкого спектра проблем – пандемии, стихийных бедствий, климатических

изменений, нелегальной миграции, голода, нищеты, религиозного и националистического экстремизма, войн и локальных конфликтов и др.

Особо следует отметить договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России, который был подписан Президентом РФ В.В. Путиным 18 марта 2014 г. Сравнительно безболезненное вхождение Крыма в состав России не в последнюю очередь было обусловлено доверием значительной части неправославных народов (мусульман-суннитов, иудеев, караимов, католиков, представителей Армянской апостольской церкви), населяющих полуостров, к конфессиональной политике российских властей.

В **заключении** подводятся итоги, формулируются основные результаты исследования.

**Список работ, опубликованных по теме диссертации
(статьи в рецензируемых журналах перечня ВАК):**

1. Жукова Е.М. Многоконфессиональное российское государство: специфика развития законодательно-административной базы на основе принципа веротерпимости (начало XVIII в. – 1917 г.) // Миссия конфессий. 2018. Т. 7. Ч. 6. № 33. С. 640–664.
2. Жукова Е.М. Принцип веротерпимости в философско-религиоведческом дискурсе // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Ч. 5. № 46. С. 523–531.
3. Жукова Е.М. Гуманистичность как сущность принципа веротерпимости (на примере идей Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.И. Пирогова) // Культура и искусство. 2021. № 8. С. 28-41.
4. Жукова Е.М. К вопросу о причинах неэффективности современных концепций религиозной толерантности // Философская мысль. 2022. № 8. С. 12-28.

5. Жукова Е.М. Российская традиция восприятия веротерпимости в трудах отечественных мыслителей XI-XX вв. и современные реалии // Культура и искусство. 2023. № 7. С. 33-56.

6. Жукова Е.М. Реализация принципа веротерпимости в российском государстве: прошлое и настоящее (геосоциальный подход) // Философская мысль. 2024. № 8. С. 31-52.

7. Жукова Е.М. Веротерпимость в восприятии представителей русского космизма (на примере идей Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и Н. К. Рериха) // Знание. Понимание. Умение. 2025. № 1. С. 213-225.